

Олег Губарь

Нечто об Анне Панкеевой

Пролог

Стихи Анны Панкеевой я нашел когда-то в одном из дамских альбомов. Подобные штуки – вполне тривиальный повседневный атрибут всякой гимназистки и институтки. Альбомчики эти, как правило, зарубежного производства, довольно изящны, обычно размером 9 на 18, 11 на 18, 13 на 20 сантиметров и т. п. Заключены в бархатные, сафьяновые, реже кожаные переплеты с золотым обрезом. Случается, переплет отделан деликатными накладными металлическими украшениями, тиснением по коже, иногда оттиснуто имя владелицы.

До той поры, пока уделом юных прелестниц было домашнее воспитание, стихи в альбом обыкновенно записывали родственницы-сверстницы либо дети вхожих в дом родительских друзей и приятелей. Впоследствии на альбомных страничках появляются автографы чуть ни целого гимназического или пансионного класса. Нередко владелицы выписывали сюда любимые стихи, случалось, и собственного производства.

Предложенный на продажу альбомчик оказался мне не по карману (там были любопытные автографы, например, одесского градоначальника П.А. Зеленого, известных думцев),

подпись «Ан. Панк.» – ни о чем тогда не говорила, и я предпочел приобрести продававшийся «в наборе» портсигар с изображением небезызвестного линкора «Императрица Мария», причем именной. Принадлежал он старшему помощнику командира этого корабля капитану 1-го (в момент катастрофы – 2-го) ранга Анатолию Вячеславовичу Городыскому. А. В. эмигрировал из Одессы в 1920-м, оставив здесь часть личных документов и вещей. И, как мы увидим ниже, его связывал с Панкеевой другой крайне интересный человек, тоже флотский офицер, П.И. де Лаваль. Обнаружив эту связь, я понял, почему на руках у Городыского оказалась ниточка, связывающая двух его погибших друзей.

Поскольку покупка была относительно дорогостоящей, постольку мне легко позволили переписать понравившиеся стихи. Прошло несколько лет, я стал заниматься историей 1-го городского кладбища, персоналиями, в том числе семейством Панкеевых, консультировался с авторитетным специалистом С.З. Луцником, который и рассказал мне о том, что Анна писала хорошие стихи и проч. Откровенно говоря, почувствовал серьезность собственной промашки – соблазнился раритетным флотским портсигаром с любопытнейшей историей. Альбом оказался куда более важным, но откуда ж мне было знать: через мои руки прошли десятки подобных альбомчиков разных кисейных барышень. Кроме того, и собственные записи затерялись, отыскал их лишь частично. Поезд ушел, печаль осталась...

Эмоции

Стереотипные в общем эти «памятные книжицы» все же разнятся, непредсказуемо выказывая индивидуальность. За однообразными салонными буколическими сюжетами порой проступают живые лица и голоса. На страницах иной раз встречается вполне профессиональная графика: пейзажные зарисовки, портреты и шаржи, гораздо реже – хорошие рифмованные строки.

Поэтические опыты Анны Панкеевой интуитивно показались мне достойными внимания, хотя я не специалист и не могу оценить их профессионально. Лично для меня здесь видится уникальный случай, воскрешающий лица необщее выражение, приносящий ощущение присутствия автора, как бы его непосредственного касания. Словно бы ты и впрямь извлек из тайника и нетерпеливо откупорил бодлеровский флакон.

Не стану комментировать стихи, но хочу прокомментировать рельефную судьбу Панкеевой.

Общая информация

Анна Константиновна Панкеева (1884-1906) – старшая сестра одного из самых известных пациентов Зигмунда Фрейда («Человек-Волк»), Сергея Панкеева, выпускника Императорского Новороссийского университета, художника-любителя (учился у выдающегося живописца-одессита Г.С. Головкова), скончавшегося в эмиграции. Их отец Константин Матвеевич Панкеев – дворянин, потомственный почетный гражданин, титулярный советник, алешковский 2-й гильдии купец, крупный землевладелец, одесский домовладелец (улица Маразлиевская, дом № 20, архитектор Л.Л. Влодек, 1890-е гг., памятник архитектуры), авторитетный гласный Одесской городской думы, издатель, почетный член Одесского городского попечительства детских приютов, человек широко образованный и либеральный, владелец весьма популярного в художественной среде имения Васильевка.

Панкеевы – старинный купеческий род, обосновавшийся на Юге еще в годы младенчества Одессы. Потап Панкеев с немалым семейством значится в перечне купцов, по городу Одессе состоящих, уже в ведомости от 31 января 1800 года. В феврале 1833-го одесская 3-й гильдии купчи-

ха, вдова Татьяна Панкеева просит разрешения открыть гостиницу в 1-й части Одессы. В «Одесском вестнике» (1842) упоминается аleshковский 3-й гильдии купеческий сын Иосиф Панкеев, награжденный серебряной медалью с надписью «За усердие» «за особое содействие при тушении пожаров». В той же газете фиксируется сообщение о производстве в коллежские асессоры контролера Екатеринославской казенной палаты титулярного советника Панкеева с 29 декабря 1863 года.

В 1892 году К.М. Панкеев продал свое обширное имение близ Херсона, а взамен приобрел в Одессе солидный дом в самом фешенебельном районе, с фасадом, обращенным к Александровскому парку, и привлекательное имение Васильевка. Оба этих объекта вскоре сделались особыми социокультурными местами города и региона. Здесь постоянно бывали представители интеллектуальной элиты, в том числе из центральных губерний и обеих столиц: преподаватели, ученые,

думцы, художники, финансисты, земские деятели и т. д. Анна и Сергей росли в кругу просвещенных, как нынче принято говорить, продвинутых людей и сами получили великолепное образование. В мемуарах Сергей неоднократно пишет о том, что разносторонние дарования сестры нескончаемо превозносили как словесники, так и естественники.

Вместе с тем в насыщенном яркими талантами роду Панкеевых в разные годы отчетливо проявлялись признаки психических расстройств –

Портрет Анны Панкеевой
работы Н.Д. Кузнецова

разного генезиса депрессии и случаи суицида. В этом смысле не стали исключением Константин Матвеевич и его дети. Модель психологического сознания дожившего до преклонных лет Сергея обстоятельно изложена в трудах Зигмунда Фрейда. Что касается покончившей с собой Анны, читатель сможет составить внятную картину по прилагаемой информации.

Вид дома в поместье Панкеевых Васильевка (современные снимки)

Априори хочу лишь указать на очевидную яркую индивидуальность этой противоречивой, но, несомненно, очень одаренной девушки, вызывавшей восхищение и даже поклонение далеко не последних современников. Довольно представить здесь явно восторженный портрет Анны, выполненный одним из лучших представителей южнорусской художественной школы, знаменитым живописцем Николаем Дмитриевичем Кузнецовым (1850-1929).

Анна Панкеева в текстах Зигмунда Фрейда (З. Ф.) и Сергея Панкеева (С. П.)

З. Ф.: «Он (Сергей. – О. Г.) не единственный ребенок в семье; у него есть сестра, которая на два года старше него. Этой бойкой, сообразительной и не по годам распушенной девочке суждено сыграть важную роль в его жизни».

С. П.: «Вскоре после приезда мисс Овен (то есть Оуэн. – О. Г.) родители отправились в путешествие за границу, а меня и сестру Аню оставили на попечение няни и английской гувернантки. Аня была на два с половиной года старше меня, и мисс Овен явно уделяла ей больше внимания, чем мне. Надзор за няней и мисс Овен родители поручили нашей бабушке по материнской линии, но она, к сожалению, не справилась со своими обязанностями. Хотя бабушка замечала, что мисс Овен плохо на меня влияет, она так и не решилась уволить ее до возвращения родителей. Их приезд все откладывался, так что нам пришлось несколько месяцев терпеть выходки мисс Овен, которая была настоящей психопаткой, да еще и часто выпивала...»

З. Ф.: «То лето он провел с английской гувернанткой, которая оказалась особой сумасбродной и вздорной, да еще и пьяницей. Мать решила, что характер у ребенка испортился по вине англичанки. Он, дескать, озлобился из-за того, что она дурно с ним обращалась. Проницательная бабушка (со стороны матери. – О. Г.), которая провела лето с детьми, была уверена в том, что ребенок стал таким раздражительным из-за раздоров между англичанкой и няней (полуграмотная старая крестьянка, заботливая и нежная. – О. Г.). Англичанка не раз называла няню ведьмой и выставляла ее

из детской; малыш всегда открыто заступался за свою любимицу и злился на гувернантку. Как бы то ни было, вскоре после возвращения родителей англичанку уволили, хотя характер ребенка от этого ничуть не исправился».

С. П.: «В отличие от меня, Аня хорошо ладила с мисс Овен, и казалось, ей даже нравилось, что мисс Овен надо мной издевается. По примеру мисс Овен она тоже стала надо мной подтрунивать...» (То есть Аня отождествляла себя с англичанкой; далее сложились и другие ролевые игры. – **О. Г.**)

З. Ф.: «Насколько он (Сергей. – **О. Г.**) помнит, оттуда (из «первого поместья». – **О. Г.**) они уехали, когда ему было пять лет. Судя по его рассказам, он тогда был очень пугливым ребенком, и сестра, зная об этом, над ним издевалась. На картинке в одной из детской книжке был изображен волк, стоящий на задних лапах в угрожающей позе. При виде этой картинки он всегда громко кричал от страха, ему чудилось, что волк сейчас схватит его и съест. А сестра нарочно подстраивала все так, чтобы ему постоянно попадалась на глаза эта картинка, и потешалась, глядя, как он пугается».

С. П.: «В малолетстве Аня была озорной, как мальчишка. Я не мог понять, почему она не играет в куклы...

Этот период «бури и натиска» у Ани завершился еще в то время, когда мы жили в первом поместье. Мало-помалу она успокоилась, остепенилась и увлеклась чтением. Со мной она тоже стала обращаться иначе. Теперь она наслаждалась ролью старшей сестры, которая наставляет младшего брата. Она учила меня определять время по часам и говорила, что земля круглая».

З. Ф.: «Все разом прояснилось, стоило лишь пациенту припомнить, что «в первом поместье, когда он был еще совсем маленьким», сестра подстрекала его к сексуальным шалостям. Сначала он вспомнил, как однажды в уборной, куда они часто ходили вместе, она стала его подбивать: «Давай покажем друг другу попки!», и первая подала ему пример. Впоследствии выяснились более существенные подробности соращения, а заодно удалось уточнить, где и когда именно это случилось. Все произошло весной, когда отец был в отъезде; дети возились на полу, пока мать занималась делами в соседней комнате. Вдруг сестра схватила его за пенис и принялась его теревить, рассказывая, словно в оправдание, немислимые истории про няню: дескать, няня проделывает такое со всеми, например, с садовником, которого она переворачивает вверх тормашками и хватает за гениталии...

Саму историю с соращением он точно не выдумал. В ее достоверности убеждает один врезавшийся ему в память рассказ, который он услышал уже в зрелом возрасте. Однажды он разговаривал с кузеном, который был старше его на десять лет, и когда зашла речь о сестре, тот сказал, что хорошо помнит, какой она была дерзкой и сладострастной девчонкой. По его словам, будучи четырех или пяти лет от роду, она как-то раз уселась к нему на колени и, расстегнув ему штаны, норовила схватить его за пенис».

С. П.: «Вскоре после переезда в Одессу родители наняли нам новую гувернантку, на сей раз француженку...

Аня быстро поняла, что мадемуазель старается целиком подчинить нас себе, и научилась не поддаваться ее влиянию. Мадемуазель ее за это не попрекала, но, чтобы отвести душу, с особым рвением взялась за мое воспитание...

В Масленицу нас с сестрой пригласили на детский праздничный маскарад, на который Аня хотела явиться в мальчишеском наряде. Не помню, сколько ей тогда было лет, но как бы то ни было, мадемуазель утверждала, что в таком возрасте девушке уже положено заботиться о своей репутации».

З. Ф.: Я хотел бы ненадолго отвлечься от детских переживаний своего пациента и рассказать о том, что представляла собой его сестра, как она росла, как сложилась ее жизнь и какое влияние она на него оказала. Она была на два года старше него и всегда

затмевала его своими успехами. Девчонка-сорванец превратилась со временем в необыкновенно способную девушку, отличающуюся острым умом и трезвостью суждений, во время учебы она отдавала предпочтение естественным наукам, хотя и *сочиняла стихи, которые высоко ценил отец* (подчеркнуто мной. – О. Г.). По уму она намного превосходила всех своих многочисленных первых поклонников и любила над ними потешаться».

С. П.: «Герр Ридель явно восхищался Анной и считал, что она не по годам умна, и хотя ей было в то время от силы

шестнадцать лет, он в нее влюбился. Вот тут-то герру Риделю и изменило его хваленое самообладание. Будучи здравомыслящим человеком, он должен был понимать, что рассчитывать на взаимность ему не приходится. Анна уважала его как ученого и мыслителя, но ни о какой любви не могло быть и речи. Тем не менее, герр Ридель признался ей в любви, за что и поплатился».

З. Ф.: «Но после того, как ей исполнилось двадцать лет, она все чаще впадала в уныние, жаловалась на то, что недостаточно хороша собой, и стала нелюдимою...

Когда ему (Сергею. – О. Г.) исполнилось четырнадцать лет, сестра стала относиться к нему лучше; у нее был такой же склад ума, они вместе перечили родителям, так что в результате стали чуть ли не лучшими друзьями. В период полового созревания, когда его лихорадило от сексуального возбуждения, он даже пытался склонить ее к физической близости. Когда она мягко, но решительно ему отказала, он тут же переметнулся от нее к крестьянской девочке из домашней прислуги, которую звали так же, как его сестру. Этот поступок имел решающее значение

для его предпочтений при выборе гетеросексуального объекта... Если такие объекты любви заменяли ему недоступную сестру, то нельзя не признать, что решающее влияние на выбор объекта в его случае оказало стремление унижить сестру, лишить ее интеллектуального превосходства, которое его когда-то так удручало...»

С. П.: «Зиму 1905-1906 гг. я провел за границей. После того как я сдал вступительные экзамены и был зачислен в университет, мы с матерью и Анной отправились в Берлин...

Мать с Анной и ее компаньонкой провели всю зиму в санатории под Берлином, а я, воспользовавшись продолжительными заграничными каникулами, совершил две ознакомительные поездки по Европе. Осенью 1905 года я побывал в Италии, а на следующий год в феврале съездил в Париж и Лондон...

Мать с сестрой и двумя дамами вскоре переехали из Германии в Милан, где уже пятнадцать лет жил младший брат матери Василий, а затем отправились в Ливорно...

Мать задержалась в Италии, а сестра в середине августа вернулась вместе с компаньонкой в Россию. Анна ненадолго заехала домой и затем отправилась на Кавказ в поместье (вблизи Пятигорска. – **О. Г.**) тети Ксении, старшей сестры матери. За те две недели, что она провела со мной в нашем поместье, я не заметил в ее поведении ничего необычного. Меня удивило лишь то, что она уговаривала меня поехать вместе с ней на Кавказ, хотя знала, что я зачислен на юридический факультет Одесского университета, в котором на днях должны были начаться занятия. Когда я напомнил об этом Анне, она перестала меня упрашивать, но взяла с меня слово, что я напишу ей через неделю после

отъезда. Эта просьба тоже показалась мне немного странной, но я не придал ей особого значения.

Я посадил Анну и ее компаньонку на корабль, который отплывал в Новороссийск. Прощание было трогательным. Когда пароход отвалил от причала, Анна вышла на корму и все махала мне рукой, пока не исчезла вдаль. Я еще долго стоял на пристани и смотрел, как корабль выходит из гавани и уплывает в открытое море.

Ровно через неделю после отъезда Анны я, как и обещал, послал ей письмо. Спустя две или три недели до нас дошло известие о том, что Анна тяжело заболела, а вскоре нам сообщили о ее смерти.

Потом мы узнали, что Анна приняла яд, и два дня молча терпела сильную боль. Только после того, как боль стала невыносимой, она попросила послать за врачом. Врачу она призналась, что выпила ртуть, и показала ему пузырек с этикеткой, на которой был изображен предостерегающий знак – череп с перекрещенными костями. По всей видимости, она взяла этот пузырек из своей домашней лаборатории, в которой проводила естественнонаучные опыты. После покушения на самоубийство у нее вновь пробудилась жажда жизни. Очевидно, порой нужно соприкоснуться

со смертью, чтобы вернуть себе вкус к жизни. Поначалу врачам казалось, что Анну удалось спасти, и они даже объявили, что ее жизни уже ничего не угрожает. Однако через две недели она умерла от паралича сердца.

Сестру похоронили в семейном склепе на Старом кладбище в Одессе. Мать тогда еще отдыхала за границей, и отец решил послать ей печальное известие с нарочным, а поскольку она получила его уже после погребения, единственными близкими родственниками Анны, которые присутствовали на похоронах, оказались мы с отцом. В порту, куда мы приехали вдвоем, чтобы забрать и перевезти на Старое кладбище доставленный на пароходе гроб с телом Анны, нас уже ожидали многие знакомые. Собралась там и целая толпа зевак.

В день похорон я словно впал в ступор, и мне казалось, что все происходит не наяву, а в каком-то дурном сне...»

З. Ф.: «Когда пациент получил известие о смерти сестры, он, по его признанию, нисколько не опечалился. Он натужно изображал скорбь, а сам тем временем хладнокровно радовался тому, что теперь остался единственным наследником родительского состояния...

Можно было, конечно, допустить, что неизжитая ревность вкупе с бессознательной инцестуозной влюбленностью помешала ему выразить боль утраты после смерти любимицы всей семьи, но я не был расположен мириться с тем, что он не отыскал замену для бурного проявления скорби, от которого в свое время удержался. В конце концов, выяснилось, что такой заменой послужило для него другое сильное переживание, которому он долго не мог найти объяснение.

Спустя несколько месяцев после смерти сестры он сам отправился в те места, где она умерла, отыскал там могилу великого поэта (памятник на месте дуэли Лермонтова. – О. Г.), который был тогда его кумиром. И склонился над ней, обливаясь горячими слезами. Его самого это удивило, поскольку он отдавал себе отчет в том, что с момента смерти его обожаемого поэта сменилось уже без малого два поколения. И только после того, как он вспомнил, что *отец любил сравнивать стихи умершей сестры с творениями великого поэта* (подчеркнуто мной. – О. Г.), он все понял. Еще одним намеком на истинный смысл его реакции в тот момент, когда он якобы решил поклониться праху поэта, послужила одна допущенная им в ходе рассказа ошибка (оговорка. – О. Г.),

на которую я тут же обратил внимание. Все это время он твердил, что его сестра застрелилась (дуэль Лермонтова. – **О. Г.**), а потом вынужден был признать, что на самом деле она приняла яд».

С. П.: «Когда мы были детьми, взрослые часто говорили, что Ане надо было родиться мальчиком, а мне девочкой. Она была волевой и целеустремленной натурой, всегда держалась независимо и никогда не поддавалась влиянию своих гувернанток. С возрастом у нее стали проявляться женские черты. Но она явно была к этому не готова и страдала от болезненного чувства ущербности. Анна привыкла сравнивать свою внешность с тем классическим идеалом красоты, которым она восхищалась. Она почему-то вбила себе в голову, что ей недостает женского обаяния. Кроме того, ей казалось, что она не нравится мужчинам, поэтому замуж ее могут взять только ради денег.

Скорее всего, беда ее была в том, что она, вопреки здравому смыслу, тщетно пыталась подавить в себе женственность. Разумеется, сама она не сознавала, что с ней творится».

Финал

Если представленные осколки в сочетании с прилагаемыми стихами сложились в мозаику, буду считать поставленную задачу выполненной. Что касается оценки стихов А.К. Панкеевой, доверяю ее специалистам, поэтам и любителям поэзии. Это, собственно говоря, всё, что она оставила по нашу сторону. Семейная усыпальница Панкеевых на Старом городском кладбище уничтожена вместе со всем погостом в середине 1930-х годов. Я счел возможным и даже необходимым предварить недавно изданную монографию об истории этого некрополя следующей поэтической миниатюрой (1905) *Анны Панкеевой*:

Они пришли, от мала до велика,
туда, где стынут плющ и павилика*,
где ноздреватый каменный забор
и ангелы стоят как на подбор.

---

* Так в оригинале.

Я тоже здесь, бредущая аллеей
встречать зарю кровавей и алее.
Да сколько верст осталось мне всего...
И мой уход не значит ничего.

Где мой предел, еще не вижу ясно.
Меж тем, гравет дорожки беспристрастно
прервется. Не останутся следы,
но я останусь с Господом на ты.

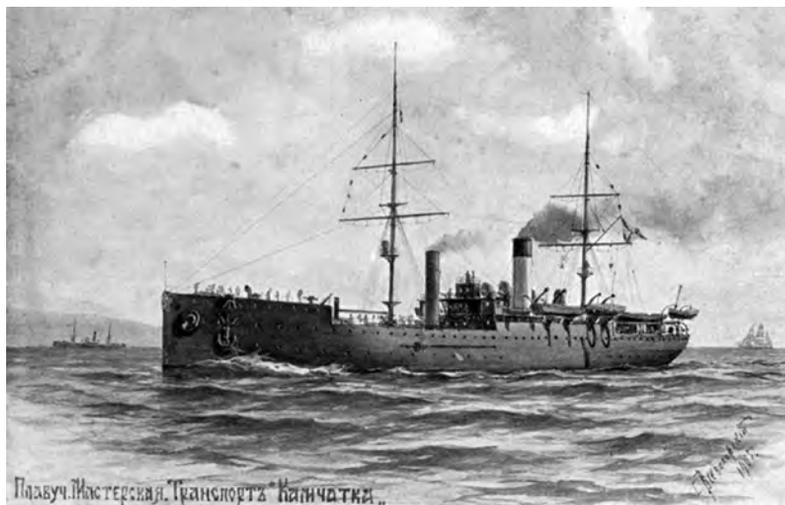
Теперь – подборка сохранившихся стихов, хороших и разных.

Памяти мичмана Павла де Лавалья

...Вот портсигар, забытый впопыхах
на столике в гостиной – уж не Вами ль?
Здесь самый воздух допьяна пропах
мадерой, котильоном и словами,
прекраснее которых в мире нет...
Ни Вас, ни мира больше не осталось,
слова иные хлещут из газет:
Цусима, поражение, «Петропавловск»...

Комментарий

Мичман Павел Иосифович де Лаваль, представитель старинного аристократического рода, был товарищем Городыского по Морскому корпусу, где 6 мая 1902 года их вместе произвели в мичманы. Как и где они познакомились с Панкеевой, пока не знаю – Анна много ездила по России и Европе. Биография и героическая гибель де Лавалья – потрясающий сюжет. В ходе сражения при Цусиме он, вахтенный начальник, находился на плавучей ремонтной мастерской «Камчатка». Поврежденная в дневном бою, она кренилась на правый борт. Увидев брошенный всеми на произвол судьбы погибающий флагманский броненосец «Суворов», плавучая мастерская бросилась его

«Камчатка»

защищать. Сказывают, японские моряки посмеивались, когда старое корыто открыло огонь из четырех имевшихся в его распоряжении 47-мм пушечек – по сути, тех же сорокапятков времен Великой Отечественной. Сперва обалдевший от подобной наглости противник жестоко расправился с «Камчаткой»: в живых осталось всего 11 членов экипажа и 13 мастеровых. Вместе с кораблем погибли все 16 офицеров, 4 кондуктора, 239 нижних чинов и 68 мастеровых. В их числе – вахтенный офицер мичман де Лаваль.

Вот вам и портсигар... Не тот ли это портсигар погибшего мичмана, который остался в гостиной Панкеевых, перешел к его товарищу, а позднее был декорирован морской атрибутикой, запечатлевшей еще одну чудовищную драму?..

* * *

Волчонок в клетке, рот в крови,
Вгрызаясь в прутья, ищет волю.
Стою у клетки vis-à-vis,
Ведь это хищник и не боле,

Ему и клетка суждена,
И смерть от раскаленной пули...
Так отчего ж я так больна,
Как будто в сердце нож воткнули,

Как будто это я в плену
У дикарей в партикулярном,
И я кровавую слюну
Глотаю в ужасе кошмарном?

Да, это я. Мой серый брат,
Мы в клетку ввергнуты на муку,
Но нам Господь протянет в ад
Гвоздем пронизанную руку.

* * *

Забросивши в чулан дагерротипы
И отменив девичества мечты,
Я вышла в сад, где пчелы любят липы
И где порхают белые цветы.

Стоял июль. Недвижен желтый воздух.
Как банный жар, он злобен был и сух.
Он по ночам глотал большие звезды,
А по утрам вылизывал росу.

Я шла вослед за светло-серой тенью,
Сочилась жизнь, перетиралась нить.
Как славно уходить без сожаленья,
Как страшно без возврата уходить...

Прощаю всех, и этим душным утром
Я путь пройду от дома до беды,
Лишь заблестят засохшим перламутром
На камнях стен улиточки следы.

* * *

Когда-нибудь, во время оно,
Старушка в тальме с бирюзой
На лавку примостится сонно
Под засыхающей лозой,
Всплакнет над розой безуханной,
И вдоль морщин пойдет слеза.
Она звалась когда-то Анной,
Но это помнит лишь лоза.

Васильевка

Под моим окном зеленый пруд,
Где русалки водят хороводы,
Где о берег плещущие воды
Ни часов не знают, ни минут.

Тянется дорожка из камней
От ротонды в поисках прохлады...
Здесь когда-то жители Эллады
Омывали вспененных коней.

На стене драконов суета,
Маленьких, хвостатых, безобидных.
К вечеру с небес, почти не видных,
Сходит на поляну Красота.

На беседке плюща борода,
Чай пахучий сладок, словно детство...
Этот мир достался мне в наследство,
Я – его хозяйка навсегда.

В кафешантане

Стою на краю и веселую песню пою
о вечной любви, а вы жизнь угадайте мою,
а вы угадайте, скажите – какого числа
душа повернулась и тихо со сцены ушла.

Мой голос, мое наказание, моя кладовая,
я черное платье под белую шаль надеваю.
А белое платье висит в шифоньерной тиши
для самой красивой, для самой заблудшей души.

А вы угадайте, скажите – какого числа
душа перестала искать дорогого тепла.
Тепло все дороже, и с каждым потерянном днем
мне все холоднее под рампы смертельным огнем.

Я знаю куплеты, к которым не нужно припева,
послушайте для настроения и обогрева.
Еще – угадайте, скажите, какого числа
пришла непогода, и значит, погода ушла.

Мой слушатель, самый единственный, поторопись –
я белое платье надену на свой бенефис.
А сверху наброшу покорную черную шаль
на память о песнях, которых нисколько не жаль.

Элегия

Я подарю тебе венок из лилий,
холодных лилий в день отъезда,
и, вероятно, стану на колени,
хоть и не место.

Упругие, податливые стебли,
переплетаясь в очередь по кругу,

едва сомкнув узор, уже устали,
как мы в объятиях друг друга.

На воздухе им дышится тревожно,
их родина – прохладный сумрак пруда.
А впрочем, для прощания неважно
знать, кто ты и откуда.

Обманчивая искренность соцветий,
без запаха. Нагая статуэтка.
Пустая форма. Но велик создатель
такого слепка.

Моей дражайшей N – девице, посетовавшей на робость поручика NN

Мой друг, не нужно так трагично:
Вам совершенно не идет.
Вы мне шепнули истерично:
– Анет, поручик – идиот!

– Он идиот? В каком же смысле?
Он Мышкин или Дон-Кихот?
На Ваших шашней шатком коромысле –
Быть может, это только тонкий ход?

Быть может, Вашу разомкнуть девичесть
Нужна вода, а вовсе не вино?
Чтоб медленно, но тем вернее, вычесть
Из суммы тела лишнее звено?

Колыбельная

Темнеет. Изморось. Похоже,
воскресный день стекает с крыш.
Мне надлежит его итожить,
а ты, Сергей, еще малыш.

Вот с отдаленной колокольни
в низины топкие, в леса
перетекают своевольно
и затихают голоса.

Я повторяю монотонно:
мы не пойдем туда с тобой,
где плачет зверь неугомонно
водой протяжной и немой.

Дремли, забудься этой песней,
угомонись же, сорванец.
Я знаю, завтра день воскреснет,
и мы проснемся, наконец.

Фото Натальи Евстратовой

